

Родовое гнездо

Лето Господне по-тутаевски

Записки молодой портнихи помогли сформировать новую экспозицию в музее

– Жившая в конце XIX века в Романове-Борисоглебске, предшественнике нынешнего Тутаева, Мария Серова шила одежду на заказ. Круг ее общения – это небогатые купцы, – рассказывает заведующая отделом музейной работы центра культуры и туризма «Романов-Борисоглебск» Марина Пирожникова.

Ольга ПЕТРЯКОВА.
Фото Сергея БЕЛЯКОВА

Ведите, барышни,
дневник

Этот документ в семидесятых годах прошлого века случайно попал туттаевскому краеведу Виктору Осипову. Тетрадь к тому времени уже была истрепана, многие записи почти стерлись. Вооружившись лупой, энтузиаст принялся разбирать каракули, определять конкретные люди по инициалам. На чтение и расшифровку текста у него ушло несколько лет. Туттаевцы очень благодарны этому человеку, который восстановил память о предках многих из них. Открыл целый пласт местной истории.

Юная Маша Серова свои частные мысли и переживания записывала в тетрадь. Писала о том, как обиделась на своего дорогого Артамошу, который на званом вечере на первую кадрили не пригласил: горько сетовала на приемы клиентов. Дневник провинциальной барышни – настоящая настольная книга для сотрудников экспозиции «Борисоглебская сторона», открывших в Тутаеве новый туристический маршрут «Романовский край – для купечества рай». Он помог создать новую экспозицию «Дом купца Вагина» – создающую собирательный образ местного предшественника XIX века.

Она размещена в здании старой торговой площади на Черной горе, где издавна работали литейщики и кузнецы, отчего земля на многих метры вглубь пропитана углем и сажей. Более века назад купцом был каждый пятый житель Романова-Борисоглебска; но очень больших денег у них не было. Костяк сословия составляли купцы третьей ступени – владельцы масленичных и мини-заводиков, магазинов и лавок, бань и трапезных, барж и суденышек, разнообразного имущества. Многие сдавали в аренду

Создатели экспозиции вдохновлялись романом «Лето Господне» Ивана Шмелева.

помещения. Так поступал и Степан Вагин, бывший хозяин этого здания.

– Вагины на своем клеювом заводике варили клей из отходов волжских рыб. Из плавников получался высококачественный белый клей, его использовали в полиграфии. А низкосортный черный применялся в столярных работах – купцы занимались ремонтом возков, телег и тарантасов. А еще они пускали постояльцев и устраивали в своем доме стоворные и свадебные балы, – поясняет Марина Владиленовна. – Планировка комнат почти не претерпела изменений. Эти изразцовые печи подлинны, середины XIX века. Многие интерьерные вещи – тоже старинные, они чудом сохранились в домах горожан.

В передней, устроенной по европейскому образцу – напольное зеркало, которое, кажется, еще помнит суровых бородатых купцов-старообрядцев в сюртуках из черного крепа, в штучных жилетах, рубахах навыпуск, сапогах в гармошку. И их благоверных в аляповатых необъятных платьях. Тут же – поднос с визитными карточками.

На столе овца
и красный уксус

– Посетители оставляли прислуге свою визитку, загнутый уголок которой информировал о цели их прихода – поздравить хозяев с праздником, засвидетельствовать почтение, узнать о состоянии здоровья, сообщить об отъезде, – приглашает на экскурсию в глубь веков моя собеседница. – Желанных гостей с почетом звали в гостиную.

Музей воссоздает быт небогатой купеческой семьи.

Она условно разделена на две зоны – обеденную и игровую. В красном углу – образ, под ними согласно семейной иерархии усаживался за стол глава рода, затем его старшие сыновья, другие дети, женщины. Никто из домашних не смел приступить к завтраку, пока возвратившийся с утренней обедни хозяин не обойдет все комнаты, преклоняя в каждой колени перед иконами и истово молясь.

В туттаевском музее белизну расставленных на огромном столе столовых приборов оттеняет характерная масленка в виде романовской овцы. Рядом янтарная емкость для домашнего пива (сосудопольные горожане сами варили хмельные напитки из солода), сосуд для минеральных вод провизора Петрова (тогда минералку разливали в аптеках) и флакон с необычным красным уксусом. Его производили в больших количествах, сы-

К 700-летию Толги

Известные имена
в истории обители

Архитектурный ансамбль Толгского монастыря, каким мы видим его сейчас, сложился в XVII – XVIII веках.

Дарья СИБИРЦЕВА.

Фото Ирины ПИЧУГИНОЙ

Центральное место в обители принадлежит Введенскому собору, возведенному на месте «прадедушки» – деревянного храма, построенного в день обретения иконы.

В конце XVII столетия обитель возглавил Гордиан, один из выдающихся настоятелей российских монастырей. При нем был разобран малый Введенский храм и выстроен новый. С южной стороны к храму устроен придель во имя ярославских чудотворцев – святых благоверных князей Федора, Давида и Константина. Спустя 7 лет по завершении строительства искусные мастера из Ярославля и Костромы расписали стены собора.

Среди 26 имен, записанных на откосе южного нижнего окна западной паперти, Дмитрий Семенов-Сибиряков, который десятью годами раньше участвовал в артели Гурия Никитина в росписи церкви Ильи Пророка, Федор Федоров, реставрировавший стенную живопись царских покоев, а также Василий Осипов, что значит первым среди костромских мастеров росписей Успенского собора Московского Кремля. Именно в Введенском храме до сегодняшнего дня сохранились древние росписи монастыря.

Под соборным храмом была устроена усыпальница настоятелей, в том числе и Гордиана. Свое последнее пристанище нашли здесь и многие почетные граждане города, при жизни сделавшие большие вклады в пользу обители, а также представители знатных боярских и княжеских родов: Голицыны, Троекуровы, Аксаковы, Вяземские, Урусовы. Так, на средства князя Никиты Львова в 1683 – 1685 годах была построена монастырская звонница, достигающая высоты вместе с крестом 60 метров. Сооружение надвратной церкви в честь святителя Николая Чудотворца велось на средства купцов Семена и Ивана Сверчковых.

Введенский собор Толгского монастыря.